

МОСКВА БУЛГАКОВА

Е. А. Яблочков

МОСКВА
БУЛГАКОВА

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва

2020

УДК 94 (470-25)
ББК 63.3(2) 6-7
Я 14

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Департамента
средств массовой информации и рекламы города Москвы

Рецензенты:

Кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории и истории искусств
МГАХИ им. Сурикова В. И. *Ольга Алексеевна Прошкина*
Доктор филологических наук, член Союза писателей России
Сергей Михайлович Казначеев

Яблоков Евгений Александрович

Я 14 Москва Булгакова. — М.: Издательство «Кучково поле», 2020. — 368 с.: ил.

ISBN 978-5-907171-18-3

Эта книга — попытка увидеть Москву и советскую повседневность глазами известнейшего русского прозаика XX века Михаила Булгакова. На протяжении почти двух десятилетий московской жизни многоликий город предстал перед ним в обыденных и официозных, архаичных и самоновейших, карикатурных и трагических образах. Не будучи москвичом по рождению, Булгаков стал одним из самых «московских» писателей. Образы Москвы 1920-х — 1930-х годов воплотились в его художественных и публицистических произведениях, дневниках и письмах, а также в воспоминаниях тех, кто был рядом с ним, суждениях современников.

Научно-популярное издание предназначено всем интересующимся биографией и творчеством Булгакова, историей Москвы начала XX века; оно будет полезно для преподавания литературы и школьного курса москвоведения.

УДК 94 (470-25)

ББК 63.3(2) 6-7

ISBN 978-5-907171-18-3

© Яблоков Е. А., текст, составление,
иллюстрации, 2020

© ООО «Издательство «Кучково поле», 2020

© ООО «Икс-Хистори», макет, 2020

СЫН ДВУХ МАТЕРЕЙ

Вид с Воробьевых гор. Собрание Э. В. Готье-Дюфайе. Фото 1908

В произведениях Булгакова одна из памятных картин — безгранично просторная панорама, открывающаяся с обрывистого берега реки, словно с птичьего полета.

...Лучше всего сверкал электрический белый крест в руках громаднейшего Владимира на Владимирской горке... Зимой крест сиял в черной гуще небес и холодно и спокойно царил над темными пологими далями московского берега, от которого были перекинуты два громадных моста. Один цепной, тяжкий, Николаевский, ведущий в слободку на том берегу, другой — высоченный, стреловидный, по которому прибегали поезда оттуда, где очень, очень далеко сидела, раскинув свою пеструю шапку, таинственная Москва.

(М. А. Булгаков. Белая гвардия)

Владимирская горка в Киеве.

Фото начала XX в.

Вид на Москву с Воробьевых гор. Фото конца 1920-х

Грозу унесло без следа, и, аркой перекинувшись через всю Москву, стояла в небе разноцветная радуга, пила воду из Москвы-реки.

(М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита)

Разница в том, что в Киеве за рекой открывается равнина, ведущая к Москве, а в Москве с обрыва виден собственно город. И течет река не вокруг Москвы, а прямо внутрь, в самую ее сердцевину.

Но, как бы то ни было, в «панорамности» взгляда слиты образы двух столиц, которые для Булгакова были родными, — Киева, где он вырос, и Москвы, где стал писателем и прожил, по сути, всю творческую жизнь. Одна столица — «мать городов русских» и место рождения Булгакова, другая — место литературных триумфов и скандалов, радостей и скорбей, последнее пристанище: «...*Что бы ни происходило, что бы вы ни говорили, Москва — мать, Москва — родной город*». Это слова из очерка 1923 г. «Сорок сороков».

Впрочем, в другом (того же года) булгаковском тексте видим образ куда менее возвышенный:

Красная кавалерия
на Красной площади. 1923

Кинотеатр «Коллизей» на Чистопрудном
бульваре. Фото второй половины 1930-х

Под утро, по совершенно бессонной Москве, не потушившей ни одного огня, вверх по Тверской, сметая все встречное, что жалось в подъезды и витрины, выдавливая стекла, прошла многотысячная, стрекочущая копытами по торцам, змея конной армии. Малиновые башлыки мотались концами на серых спинах, и кончики пик кололи небо. Толпа, мечущаяся и воющая, как будто ожила сразу, увидав ломящиеся вперед, рассекающие расплеснутое варево безумия, шеренги. В толпе на тротуарах начали призывно, с надеждою, выть. <...>

— Выручайте, братцы, — завывали с тротуаров, — бейте гадов... Спасайте Москву!

— Мать... мать... мать... — перекашивалось по рядам.

(М. А. Булгаков. Роковые яйца)

Город, увиденный глазами Булгакова и запечатленный его пером, — вечная трагикомедия, где высокое неотделимо от низменного. Таков и весь булгаковский мир-театр — то ли римский Колизей (кстати, был в Москве кинематограф с таким названием), то ли Варьете.

А площадка с наблюдателем над рекой — нечто вроде театральных подмостков.

Вид с Воробьевых гор. Фото Б. Деку. 1931

...Сидя у себя в пятом этаже, в комнате, заваленной букинистскими книгами, я мечтаю, как летом взлезу на Воробьевы, туда, откуда глядел Наполеон, и посмотрю, как горят сорок сороков на семи холмах, как дышит, блестит Москва. Москва — мать.

(М. А. Булгаков. Сорок сороков)

Тут автор для красного словца переместил Наполеона километра на три-четыре к юго-востоку — на самом деле

тот ведь стоял не на Воробьевых. Помните актерствовавшего императора-полководца у Толстого?

Москва с Поклонной горы расстилалась просторно с своей рекой, своими садами и церквями и, казалось, жила своей жизнью, трепеща, как звезды, своими куполами в лучах солнца.

При виде странного города с невиданными формами необыкновенной архитектуры Наполеон испытывал то несколько завистливое и беспокойное любопытство, которое испытывают люди при виде форм не знающей о них, чуждой жизни. Очевидно, город этот жил всеми силами своей жизни. По тем неопределимым признакам, по которым на дальнем расстоянии безошибочно узнается живое тело от мертвого, Наполеон с Поклонной горы видел трепетание жизни в городе и чувствовал как бы дыхание этого большого и красивого тела.

(Л. Н. Толстой. Война и мир)

Вот и Булгаков вслед за любимым писателем «по-наполеоновски» обводит город глазами черных кавалеристов — правда, не въезжающих в Москву, а навеки улетающих от нее.

Фото примерно на сто лет позже Наполеона, но с «его» точки

На высоте, на холме, между двумя рощами виднелись три темных силуэта. Воланд, Коровьев и Бегемот сидели на черных конях в седлах, глядя на раскинувшийся за рекою город с ломаным солнцем, сверкающим в тысячах окон, обращенных на запад, на пряничные башни девичьего монастыря.

В воздухе зашумело, и Азazelло, у которого в черном хвосте его плаща летели мастер и Маргарита, опустил вместе с ними возле группы ожидающихся.

Вид с Ленинских (Воробьевых) гор. Фото середины 1930-х

— Пришлось мне вас побеспокоить, Маргарита Николаевна и мастер, — заговорил Воланд после некоторого молчания, — но вы не будьте на меня в претензии. Не думаю, чтоб вы об этом пожалели. Ну, что же, — обратился он к одному мастеру, — попрощайтесь с городом. Нам пора, — Воланд указал рукою в черной перчатке с раструбом туда, где бесчисленные солнца плавилы стекло за рекою, где над этими солнцами стоял туман, дым, пар раскаленного за день города.

(М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита)

Между прочим, по преданию, в одном из прудов Новодевичьего монастыря лежит булгаковский револьвер.

Новодевичий монастырь. Фото середины 1920-х

В 1929 году, «лишенный огня и воды», Булгаков готов был наняться рабочим, дворником — его куда не брали. После разговора по телефону со Сталиным, когда ему была обещана работа в Художественном театре, он бросил револьвер в пруд. Кажется, в пруд у Новодевичьего монастыря.

(В. Я. Лакишин. Елена Сергеевна рассказывает...)

Под стенами в воде — смерть несостоявшаяся, а за стенами — вполне реальная: среди этих «пряничных башен» Булгаков в 1940 г. будет похоронен.

Впрочем, река ведь не только для любования.

М. А. ездил с Сергеем Топлениновым в Парк культуры купаться. Говорит, что станция оборудована прекрасно, но вода такая грязная, что им пришлось отмыться потом под душем.

(Е. С. Булгакова. Дневник 27 июня 1937 г.)

Москвичи отдыхают на Ленинских (Воробьевых) горах. 1926

А м е т и с т о в. Отдыхайте, товарищи дорогие, согласно Кодекса труда. Отдыхайте. Предайтесь разумным развлечениям, съездите на Воробьевы горы...

Ш в е я. Какие тут горы, Александр Тарасович. До постели бы только добраться!

А м е т и с т о в. Я вас понимаю. Я сам мечтаю только об одном, как бы лечь. Лягу, почитаю на ночь что-нибудь по историческому материализму и усну.

(М. А. Булгаков. Зойкина квартира)

Купальни у Нескучного сада.

Фото Б. Деку. 1931–1933

Вчера днем Дмитриев. Миша с ним — на Ленинских горах на байдарке. <...> Сегодня мы с Мишей и Марикой на парходике на Ленинские горы. Там Миша ездил опять на байдарке, а мы сидели на станции.

(Е. С. Булгакова.

Дневник 31 августа 1939 г.)

В скобках заметим, что эти катания на байдарке происходят за полгода до смерти писателя...

Пристань у Ленинских (Воробьевых) гор. Фото 1931

Парад байдарок на Москве-реке. Фото середины 1920-х

Набережная ЦПКиО. 1930-е

Киев у Булгакова — «прекрасный в морозе и тумане на горах, над Днепром».

Москва тоже хороша не только летом, но и зимой.

Наверное, детской любовью к Владимирской и другим горкам обусловлено то, что в булгаковских произведениях катание на санях предстает судьбоносной забавой.

...Двое мальчуганов в сереньких вязаных курточках и шлемах только что скатились на салазках со спуска. Один из них, маленький и круглый, как шар, залепленный снегом, сидел и хохотал. Другой, постарше, тонкий

Санная горка на Ленинских горах. Фото 1930-х

и серьезный, распутывал узел на веревке. У ворот стоял парень в тулупе и ковырял в носу. Стрельба стала слышнее. Она вспыхивала там, наверху, в самых разных местах.

— Васька, Васька, как я задницей об тумбу! — кричал маленький.

(М. А. Булгаков. Белая гвардия)

Итак: горка. Ледяная и бесконечная, как та, с которой в детстве сказочного Кая уносили сани. Последний мой полет по этой горке, и я знаю, что ждет меня внизу.

(М. А. Булгаков. Морфий)

Где сани, там и лыжи.

Этой зимой (1928 г.) мы ходили на лыжах с Художественным театром. Водил нас инструктор Владимир Иванович — тот, прозванный нашей Марусей «странником» — на горы близ деревни Гладышево* и в Сокольники. Лучше всех из нашей компании ходил на лыжах Иван Михайлович Кудрявцев (в «Турбиных» — Николка), как-то очень легко, невесомо, как «ангел по облакам», по выражению Михаила Афанасьевича.

В Гладышеве была закусочная, где мы делали привал. На стене красовалась надпись: «Неприличными словами не выражаца». Мы и не выражались. Мы просто с удовольствием уничтожали яичницу-глазунью с колбасой, запивая ее пивом.

(Л. Е. Белозерская-Булгакова.
Воспоминания)

М. А. Булгаков и Л. Е. Белозерская (стоят слева)
на лыжной прогулке с мхатовцами. Фото 1928

* Деревня к западу от тогдашней Москвы на территории современного района Раменки — там, где сейчас проходит Мосфильмовская улица. — Здесь и далее примечания составителя, если не указано иное.

С третьей женой тоже все началось с лыж.

В <19>29–<19>30 гг. мы с М. А. поехали как-то в гости к его старым знакомым, мужу и жене Моисеенко (жили они в доме Нирензее в Гнездниковском переулке). За столом сидела хорошо причесанная интересная дама — Елена Сергеевна Нюренберг, по мужу Шиловская. Она вскоре стала моей приятельницей и начала запросто и часто бывать у нас в доме.

Так на нашей семейной орбите появилась эта женщина, ставшая впоследствии третьей женой М. А. Булгакова.

(Л. Е. Белозерская-Булгакова. Воспоминания)

На днях будет еще один 32-летний юбилей — день моего знакомства с Мишей. Это было на масляной, у одних общих знакомых. <...> Тут же мы условились идти на следующий день на лыжах. И пошло.

(Е. С. Булгакова — А. С. Нюренбергу, 13 февраля 1961 г.)

Днем попытались с Мишей выйти на лыжах. Прошли поперек пруда у Новодевичьего и вернулись — дикий ледяной ветер.

(Е. С. Булгакова.

Дневник 12 декабря 1933 г.)

Днем ходили с М. А. на лыжах, по Москве-реке.

(Е. С. Булгакова.

Дневник 12 февраля 1935 г.)

М. А. с Ермолинским ходили на лыжах.

(Е. С. Булгакова.

Дневник 14 января 1938 г.)

**Лыжная станция на Ленинских
(Воробьевых) горах. Фото 1936**

В сухой зимний денек, особенно когда солнечно было, Михаил Афанасьевич появлялся у меня. Я жил недалеко, в Мансуровском переулке, в небольшом деревянном доме. Перейдя Остоженку <...> можно было переулком спуститься к Москве-реке. Поэтому лыжи стояли у меня, и наша прогулка начиналась прямо из моего дома. Он оставлял свою зеленовато-серую доху до пят и из такого же американского медведя большую, налезавшую на уши ушанку, натягивал неизменный вязаный колпак, и мы, закрепивши лыжи уже во двореке дома, отправлялись в поход.

Остоженка была перекопана, начинали строить первую очередь метро (его строили открытым способом). Через улицу в некоторых местах были перекинуты

Вид с Воробьевых гор. Фото середины 1920-х

деревянные мостки. Мы пробирались по ним, обледенелым и скользким, далее катили по переулку, утопавшему в сугробах, и оказывались на реке. По Москве-реке в ту пору свободно катались лыжники. Теплые стоки не мешали окрепнуть ледяному покрову. И по наезженной лыжне, запорошенной ночным снежком, можно было лихо и быстро докатить до самых Воробьевых гор. На горках этих или по Нескучному саду мы бродили не спеша. Обычно это был будничным день, народу мало, главным образом детвора. Иногда лишь пролетал заправский спортсмен, сверкнув красным свитером и не заметив нас.

Михаил Афанасьевич бегал на лыжах лучше меня. Скатываясь с горки чуть покруче, я не мог удержаться, лыжи разъезжались, и я валился на бок. Это обязательно происходило, когда мы, возвращаясь, съезжали с Нескучного или с Воробьевых на реку. Тут спуск крут, и я летел вниз, теряя палки.

(С. А. Ермолинский. Из записок разных лет)

Панораму дает не только речной обрыв, но и площадка на крыше, с которой герой булгаковского очерка вглядывается в распластаный под ним город, словно естествоиспытатель в окуляр микроскопа.

На самую высшую точку в центре Москвы я поднялся в серый апрельский день. Это была высшая точка — верхняя платформа на плоской крыше дома бывшего Нирензее, а ныне Дома Советов в Гнездиновском переулке. Москва лежала, до самых краев видная, внизу. Не то дым, не то туман стлался над ней, но сквозь дымку глядели бесчисленные кровли, фабричные трубы и маковки сорока сороков. Апрельский ветер дул на платформы крыши, на ней было пусто, как пусто на душе. Но все же это был уже теплый ветер. И казалось, что он задувает снизу, что тепло подымается от чрева Москвы. Оно еще не ворчало, как ворчит грозно и радостно чрево больших, живых городов, но снизу сквозь тонкую завесу тумана подымался все же какой-то звук. Он был неясен, слаб, но всеобъемлющ. От центра до бульварных колец, от бульварных колец далеко до самых краев, до сизой дымки, скрывающей подмосковные пространства.

— Москва звучит, кажется, — неуверенно сказал я, наклоняясь над перилами.

(М. А. Булгаков. Сорок сороков)

Вид на дом Нирнзее со Страстной площади.

Фото Б. Деку. 1931

Дом 10 по Большому Гнездниковскому переулку построен в 1913 по проекту Э.-Р. К. Нирнзее.

В начале 1920-х — 4-й дом Моссовета: квартиры в нем предоставлялись партийным работникам, советским служащим.

Смотрит он вот с этой точки: в булгаковские времена крыша «ту-череза» (слово «небоскреб» тогда еще не закрепилось в языке) Нирнзее — по фамилии архитектора и до 1915 г. владельца этого доходного дома — была одним из самых высоких мест в Москве.

А вид перед героем открывается примерно такой.

Страстная площадь, вид с крыши дома Нирнзее. Фото середины 1910-х

Дом Пашкова (Румянцевский музей) и вид на Кремль. Фото около 1930

И еще одна важная для писателя господствующая высота — бельведер знаменитого дома Пашкова.

Новодевичий и Пашков дом — самые любимые места Москвы у Булгакова.

(В. Я. Лакишин. Елена Сергеевна рассказывает...)

На закате солнца высоко над городом на каменной террасе одного из самых красивых зданий в Москве, здания, построенного около полутора столетий назад, находились двое: Воланд и Азazelло. Они не были видны снизу, с улицы, так как их закрывала от ненужных взоров балюстрада с гипсовыми вазами и гипсовыми цветами. Но им город был виден почти до самых краев. Воланд сидел на складном табурете, одетый в черную свою сутану. Его длинная широкая шпага была воткнута между двумя рассекшимися плитами террасы вертикально, так что получились солнечные часы. Тень шпаги медленно и неуклонно удлинялась, подползая к черным туфлям на ногах сатаны. Положив острый подбородок на кулак, скорчившись на табурете и поджав одну ногу под себя, Воланд не отрываясь смотрел на необъятное сборище дворцов, гигантских домов и маленьких, обреченных на слом лачуг. Азazelло, расставшись со своим современным нарядом, то есть пиджаком, котелком, лакированными туфлями, одетый, как и Воланд, в черное, неподвижно стоял невдалеке от своего повелителя, так же как и он не спуская глаз с города.

Воланд заговорил:

— Какой интересный город, не правда ли?

Азazelло шевельнулся и ответил почтительно:

— Мессир, мне больше нравится Рим!

— Да, это дело вкуса, — ответил Воланд.

(М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита)

Соединить Москву с Римом Булгаков пытался в инсценировке «Мертвых душ», которую в начале 1930-х гг. делал для МХАТа. Он хотел показать Н. В. Гоголя в Вечном городе, мысленным взором окидывающим Россию.

Раз он видит ее из «прекрасного далека» — и мы так увидим!

(М. А. Булгаков — П. С. Попову, 7 мая 1932 г.)

Театру идея не понравилась — об этом рассказано в том же письме:

Рим мой был уничтожен, лишь только я доложил exposé*. И Рима моего мне безумно жаль! <...> Без Рима так без Рима.

(М. А. Булгаков — П. С. Попову, 7 мая 1932 г.)

Однако в «закатном романе» Булгаков вернулся к прежнему плану. Недаром диалог Воланда и Азazelло напоминает эпизод из жизни Гоголя 22 августа 1851 г.:

Во время роскошной иллюминации в честь двадцатипятилетия царствования государя императора Николая Павловича на вышку дома 4-й гимназии, помещавшейся тогда в известном доме Пашкова, где теперь Румянцевский музей, собралось большое общество военных и статских генералов, так как с этой вышки представлялся великолепный вид на иллюминированную Москву. По распоряжению директора воспитанники — старшие — встречали каждого гостя в приемной

* Замысел (фр.).

и провожали на вышку. Между собравшимися звездоносцами выделялся одетый в черный сюртук худой, длинноносый, невзрачный человек, на которого со вниманием смотрели все знатные гости наши, а воспитанники просто поедали его глазами. Это был знаменитый автор «Мертвых душ» Н. В. Гоголь. Помню, как он, долго любуясь на расстилавшуюся под его ногами грандиозно освещенную нашу матушку Москву, задумчиво произнес: «Как это зрелище напоминает мне Вечный город».

(П. Д. Шестаков. Воспоминания о В. И. Назимове)

Дом Пашкова. Фото конца 1930-х

В финале булгаковского романа «Первый» Рим встречается с «Третьим». Находясь на грани земного и потустороннего бытия, Воланд и Азazelло смотрят на Москву сверху — «издалека». Затем происходит последняя встреча героев на Воробьевых горах, и естественно, что из пункта с таким названием они коллективно улетают — в вечность.

Ну а мы покуда побудем в прошлом столетней давности.

СОДЕРЖАНИЕ

Сын двух матерей	5
Пассажир на железном пути	24
«Когда у человека все потеряно, ему нужно ехать в Москву»	66
«Квартира — магическое слово»	95
«Я обшарил ее вдоль и поперек»	131
«Москва, город громадный, город единственный, государство, в нем только и можно жить»	151
«Описывая ее, я желаю, чтобы мне верили»	181
«И эти лучшие были ужасны»	208
«Опять затанцевала, загорелась и завертелась огнями Москва»	228
«Бывают сложные машины на свете, но театр сложнее всего»	260
«Изменились ли эти горожане внутренне?»	283
«Город с монастырскими пряничными башнями, с разбитым вдребезги солнцем в стекле»	297
«Москва не так страшна, как ее малютки»	329
«А куда я больше из Москвы не поеду»	344
«На будущее время, когда в Москву начнут приезжать знатные иностранцы, у меня есть в запасе должность гида»	348
Михаил Булгаков: хроника жизни и творчества	353
Литература	363
Указатель имен	364

Е. А. Яблоков

МОСКВА БУЛГАКОВА

Редакторы *О. В. Старкова, Е. Р. Секачева*
Художественное оформление *А. И. Орловой*
Компьютерная верстка *В. В. Забковой*
Корректор *Н. А. Натальина*

ООО «Издательство «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 2-11
Тел.: (495) 256 04 56, e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 16.10.2020.
Формат 165×200 мм. Печ. л. 23.
Тираж 2000 экз. Заказ № ВЗК-05345-20

ISBN 978-5-907171-18-3

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Тел. (8332) 53-53-80, info@gipp.kirov.ru